

Диана Фурсова

СТЕКОЛЬЩИЦА-
ПОПАДАНКА

Мануфактура для дракона

Диана Фурсова

Стекольщица-попаданка.

Мануфактура для дракона

<https://litres.ru/74345989>

Аннотация

Мою мануфактуру продают за долги.

Склады уже ушли кредиторам, рабочие три месяца не получали жалованья, а главную печь через десять минут купит дракон, который лично подписал приказ о закрытии предприятия.

Есть только одна проблема.

В прошлой жизни я двадцать лет проработала на стекольном производстве. И по этим документам прекрасно вижу: мануфактура не разорилась.

Ее ограбили.

Я получаю тридцать дней, чтобы доказать это и вернуть производство к жизни. Но чем глубже разбираюсь в старых счетах, тем яснее становится: кто-то готов уничтожить не только мое дело.

Три года назад здесь изготовили запрещенное стекло, способное хранить чужие разговоры.

И дракон, которого я считала своим главным врагом, может оказаться единственным человеком, которому тоже нужна правда.

Содержание

Глава 1. Последний день мануфактуры	4
Глава 2. Стекло не врет	38
Глава 3. Дракон, который хочет мою печь	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Глава 1. Последний день мануфактуры

— Через девять дней госпожа Терран перестанет быть владелицей мануфактуры. Предлагаю не тратить наше время на обсуждение того, чего уже нельзя изменить.

Мужчина напротив произнес это спокойно, почти доброжелательно, и подвинул ко мне договор.

Я посмотрела сначала на его ухоженные пальцы, потом на бумагу, исписанную мелким почерком, и только после этого на трех незнакомцев за длинным столом.

Ни одного знакомого лица.

Ни одного понятного объяснения.

И совершенно точно не мой кабинет.

Последнее, что я помнила, никак не сочеталось с тяжелыми портьерами, темными деревянными панелями и мужчиной в сюртуке, который только что сообщил мне о потере какой-то мануфактуры.

Я сидела неподвижно не потому, что сохраняла хладнокровие. Просто любое движение сейчас могло выдать куда больше, чем слова.

Передо мной лежали четыре документа, чернильница и небольшая металлическая печать. На верхнем листе крупно значилось:

«Найла Терран, единственная владелица стекольной мануфактуры Терран».

Имя ничего мне не говорило.

Зато слово «стекольной» заставило еще раз посмотреть на бумаги.

— Госпожа Терран? — напомнил о себе мужчина.

Ему было около пятидесяти. Безукоризненный серый сюртук, серебристая пряжка на галстuke, аккуратно подстриженные бакенбарды. Такой не повышает голос, когда забирает чужое имущество. Он просто приносит документы, в которых заранее предусмотрено ваше поражение.

Справа от него сидел сухощавый господин с папкой на коленях. Слева — полный мужчина с массивным перстнем и выражением человека, которому уже принадлежит все вокруг.

Четвертый стул возле окна оставался пустым.

Я перевела взгляд на договор.

— Вы хотите мою подпись?

Собственный голос прозвучал неожиданно низко и немного хрипло.

Серый сюртук позволил себе едва заметную улыбку.

— Я хочу избавить вас от дополнительных расходов. Мануфактура не выполняет обязательства перед кредиторами третий месяц. Через девять дней истекает последняя отсрочка. Если вы подпишете добровольную передачу имущества сегодня, Палата взысканий не станет начислять дополни-

тельные сборы.

Хорошо.

Значит, я не сошла с ума окончательно. У происходящего имелись деньги, сроки и документы. А с ними работать значительно легче, чем с необъяснимым.

Я взяла верхний лист.

Почерк был незнакомым, буквы — тоже. И все же я читала их без усилий.

На этом месте мне следовало испугаться сильнее.

Вместо этого я дошла до суммы долга.

Двадцать восемь тысяч четыреста корон.

Под ней стояла оценочная стоимость предприятия.

Тридцать семь тысяч.

Я перелистнула страницу.

— Здесь нет перечня имущества.

Сухошавый мужчина поднял голову.

— Он приложен к акту описи.

— Где акт?

На несколько секунд в комнате стало тихо, но не настолько, чтобы превращать это в событие. За окном грохнула телега, с улицы донесся мужской окрик.

Мужчина с перстнем первым потерял терпение.

— Найла, мы это уже обсуждали.

Я посмотрела на него.

Он явно ожидал, что имя должно что-то во мне изменить.

Не изменило.

— Значит, вам будет нетрудно обсудить еще раз.

Его лицо неприятно вытянулось.

Серый сюртук вмешался прежде, чем тот успел ответить:

— Акт находится у поверенного Палаты. Для сегодняшнего соглашения он не требуется.

— Для вас, возможно.

Я отложила договор и взяла следующий документ.

Там была ведомость за прошедший месяц.

Цифры наконец дали мне возможность зацепиться за что-то настоящее.

Песок. Сода. Известь. Топливо. Выпуск листового стекла. Брак. Остаток на складе. Задолженность рабочим.

Я читала медленно.

С каждой строкой незнакомая комната интересовала меня все меньше.

Потому что с ведомостью было что-то не так.

— Если вы рассчитываете выиграть время, — сказал мужчина с перстнем, — ничего не получится. Я предлагал помощь еще после истории с вокзалом. Ты отказалась.

История с вокзалом.

Я запомнила.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны.

— Что?

— Предлагать помощь.

Он нахмурился, не поняв, издеваюсь я или благодарю.

Я снова опустила взгляд.

За месяц мануфактура якобы выпустила шестьсот восемьдесят четыре оконные пластины, сто шестнадцать толстых листов и небольшую партию бутылочного стекла.

Расход топлива при этом выглядел так, словно печи работали почти без остановки.

Допустим.

Но тогда где продукция?

Я нашла страницу со складскими остатками.

Почти пусто.

Может быть, все продали?

Нет. Денежных поступлений соответствующего размера тоже не было.

Брак?

Шесть процентов.

Слишком мало, чтобы объяснить разницу.

Я перевернула еще страницу.

Песка списано столько, что при указанном выпуске половину пришлось бы высыпать обратно в реку.

Может быть, технология здесь другая.

Этого я не знала.

Зато знала другое: материальный баланс не исчезает только потому, что производство находится неизвестно где и его хозяйку зовут Найлой Терран.

Если сырье пришло, оно должно куда-то уйти.

В готовую продукцию.

В отходы.

В брак.

В остатки.

Или в чужой карман.

— Кто составлял эту ведомость?

Трое мужчин переглянулись.

Серый сюртук первым ответил:

— Ваш управляющий.

— Имя?

Теперь пауза получилась заметнее.

— Ретар Мейл.

Я положила ладонь на документ, чтобы не потерять нужную строку.

— Он здесь?

— Нет.

— Почему?

— Госпожа Терран, — в голосе мужчины появилось раздражение, — я понимаю ваше желание отложить неизбежное, но внутренние дела предприятия уже не имеют отношения к сегодняшнему вопросу.

— Именно поэтому я и спрашиваю.

— Не вижу связи.

— А я вижу.

Полный мужчина подался вперед.

— Найла, прекрати.

На этот раз я не стала скрывать раздражение.

— Вы кто?

Он побледнел.

Сухощавый господин кашлянул и опустил глаза.

Я сразу поняла, что допустила ошибку.

Слишком прямую.

Слишком опасную.

Полный мужчина медленно убрал руку со стола.

— Очень смешно.

— Я не шутила.

Он некоторое время смотрел на меня, а потом произнес:

— Варден Крест. Твой двоюродный брат. Тот самый человек, которого ты последние два месяца обвиняешь в желании прибрать мануфактуру к рукам.

Прекрасно.

Родственник.

И судя по последней фразе, не любимый.

— Теперь вспомнила, — сказала я.

Варден коротко рассмеялся.

— Вот как?

— Главное.

Серый сюртук решил вернуть разговор в удобное ему русло.

— Госпожа Терран, у нас есть два варианта. Первый — добровольная передача сегодня. Второй — принудительное взыскание через девять дней. В обоих случаях результат одинаков. Разница только в расходах.

— А третий?

— Его нет.

— Долг можно погасить?

Он посмотрел на меня так, словно вопрос был детским.

— Разумеется.

— Полностью?

— Разумеется.

— Тогда третий вариант есть.

Варден откинулся на спинку стула.

— У тебя нет двадцати восьми тысяч.

— Сейчас, возможно, нет.

— Не возможно, а точно. На счету меньше трехсот корон.

Рабочим должны за шесть недель. Два поставщика уже отказались отпускать сырье без предоплаты. Из четырех печей работают две, и одна из них держится на честном слове.

Последнее выражение здесь, видимо, существовало и без моего участия.

Но информация оказалась полезнее удивления.

— А покупатели?

— Какие покупатели? — Варден повысил голос. — После обрушения остекления на воздушном вокзале никто не хочет связываться с Терранами. Ты потеряла городской заказ, потом армейский, затем контракт с гильдией строителей. Даже лавочники предпочитают брать стекло у Хейса.

Я молча запоминала.

Значит, не обычное банкротство.

Репутационный крах.

И все произошло после какой-то аварии.

Я вернулась к ведомости.

— За последние три месяца выпуск падал?

— Разумеется, — ответил серый сюртук.

— А расход сырья?

Он не ответил сразу.

Я подняла документ.

— Здесь он почти не изменился.

Сухощавый господин наконец заинтересовался.

— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего. Я пытаюсь понять цифры.

— Впервые за последние полгода, — пробормотал Варден.

Я пропустила выпад мимо ушей.

— Где книги учета за предыдущие месяцы?

— На мануфактуре, — сказал он.

— Хорошо.

Серый сюртук сложил руки.

— Вы намерены отказаться от соглашения?

— Я намерена сначала увидеть предприятие, которое вы предлагаете мне отдать.

— Вы прожили рядом с ним всю жизнь.

— Значит, дорогу найду.

На этот раз Варден смотрел уже не с раздражением.

С подозрением.

Мне это не нравилось.

Я явно слишком отличалась от женщины, которая еще вчера носила это лицо. Чем меньше я знала о Найле Терран, тем опаснее становилось любое уверенное движение.

Пришлось немного отступить.

Я потеряла висок и сказала:

— После всего случившегося я плохо спала. Не хочу под-
писывать ничего, пока еще раз не проверю счета.

Такое объяснение ему понравилось гораздо больше.

Подозрение не исчезло, но стало менее острым.

— Проверь, — сказал Варден. — Хоть до рассвета. День-
ги от этого не появятся.

— Посмотрим.

Я снова взяла ведомость.

Серый сюртук аккуратно убрал договор в папку.

— Тогда зафиксируем отказ от добровольной передачи.

— Фиксируйте.

— Через девять дней в десять часов утра имущество будет
передано Палате взысканий, если к этому моменту долг не
будет закрыт полностью.

— Я поняла.

— Включая начисления за оставшийся срок.

— Сколько?

Он назвал сумму.

Я попросила повторить.

Потом записала ее на свободном поле.

Варден усмехнулся:

— Собираешься найти тридцать тысяч за девять дней?

— Я собираюсь понять, куда делись деньги, которые здесь должны быть.

Сухощавый мужчина впервые улыбнулся. Совсем немного.

Серый сюртук, напротив, стал внимательнее.

— На вашем месте я бы не строил предположений о хищениях без доказательств.

Вот теперь интересно.

Я ведь не произносила слово «хищение».

— А я ничего подобного не сказала.

Он выдержал мой взгляд.

— Вы спросили, куда делись деньги.

— Они могли быть потрачены неразумно.

— Именно.

— Могли потеряться на плохих договорах.

— Конечно.

— Могли уйти через завышенные закупки.

Варден перестал улыбаться.

Я продолжила:

— Или кто-то мог просто неправильно вести учет.

Серый сюртук поднялся.

— Советую выбирать выражения, госпожа Терран.

— А я пока никого не обвиняю.

— Рад это слышать.

Он поклонился достаточно вежливо, чтобы подчеркнуть

собственное превосходство.

Сухощавый мужчина встал следом.

— Поверенный Палаты прибудет через девять дней.

— Я запомнила.

Варден уходить не торопился.

Он подождал, пока дверь за двумя мужчинами закроется, и только потом повернулся ко мне.

— Что ты делаешь?

— Читаю.

— Я вижу.

Он смотрел на бумаги так, будто они могли представлять угрозу.

— За полгода ты впервые заинтересовалась расходом песка именно тогда, когда уже поздно.

— Значит, выбрала неудачное время.

— Ты даже не знаешь, сколько его требуется на одну плавку.

Я подняла глаза.

Вот тут он ошибался.

Я не знала, сколько требовалось на одну плавку в этой ма-
нуфактуре.

Но прекрасно понимала, как это выяснить.

— А Ретар знает?

— Управляющий обязан знать.

— Тогда почему его нет на переговорах, где решается судьба предприятия?

— Потому что вчера он уволился.

Несколько секунд я просто смотрела на Вардена.
Вот теперь цифры стали значительно интереснее.

— Вчера?

— Да.

— Перед взысканием?

— Именно.

— И где он сейчас?

— Понятия не имею.

— Забрал что-нибудь с собой?

Варден раздраженно постучал пальцами по столу.

— Я не сторож твоего управляющего.

— А книги учета?

— Я уже сказал, они на предприятии.

— Все?

— Откуда мне знать?

Я собрала бумаги в одну стопку.

— Тогда выясним.

— Мы?

— Нет. Я.

Он резко встал.

— Найла, прекрати строить из себя деловую женщину.

Полгода назад тебе предлагали продать мануфактуру, пока за нее давали нормальную цену. Ты отказалась. После вокзала я предложил выкупить долги и оставить тебе дом. Ты обвинила меня в том, что я хочу воспользоваться ситуацией.

Теперь ситуация воспользовалась тобой.

— Красиво сказано.

— Это не шутка.

— Я и не смеюсь.

Он помолчал.

— Что с тобой сегодня?

Хороший вопрос.

Я посмотрела на собственные руки.

Тонкие пальцы. Небольшой старый ожог возле большого пальца. Коротко подстриженные ногти. Не мои руки.

Если бы я позволила себе думать об этом сейчас, никакие девять дней уже не имели бы значения.

Поэтому я не позволила.

По крайней мере, пока.

— Я наконец увидела срок, — ответила я.

Это была почти правда.

Варден покачал головой.

— Девять дней ничего не изменят.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться.

Он прищурился.

— Мне?

— Ты же мой родственник. Наверное, переживаешь.

— За тебя — да.

— Очень приятно.

— Не передергивай. Если предприятие отойдет Палате, его распродадут по частям. Я еще могу договориться, чтобы

дом не включали в опись.

— В обмен на что?

Он слишком быстро отвел взгляд.

Совсем немного, но мне хватило.

— Так и думала.

— Ты ничего не думаешь. Ты только усложняешь себе жизнь.

— Тогда не мешай мне делать это самостоятельно.

Я поднялась.

Платье оказалось тяжелее привычной одежды и мешало нормально шагать, но обсуждать еще и местную моду сейчас было выше моих сил.

Варден преградил дорогу.

— Куда ты собралась?

— На мануфактуру.

— Сейчас?

— Именно.

— До вечера меньше трех часов.

— Значит, надо торопиться.

— Найла, там почти никто не работает.

— Тем лучше. Никто не будет отвлекать.

— Ты хоть понимаешь, что ищешь?

Я остановилась.

Из всего, что произошло со мной за последние неизвестно сколько минут, этот вопрос был первым, на который существовал точный ответ.

— Да.

Он ждал продолжения.

Я постучала пальцем по ведомости.

— Здесь указано, сколько сырья поступило. Здесь — сколько продукции выпустили. Здесь — сколько осталось на складе. Эти цифры не сходятся.

— И что?

— И то, что материал не исчезает.

— Ты сейчас собираешься искать песок?

— Нет. Я собираюсь узнать, платили ли мы за то, чего никогда не получали, или получали то, что потом уходило неизвестно куда.

На лице Вардена появилась первая по-настоящему серьезная эмоция за весь разговор.

Не страх.

Скорее растерянность.

— Кто тебе это подсказал?

Я почувствовала, как внутри все становится собраннее.

Вот он, опасный вопрос.

Найла Терран, судя по словам окружающих, раньше этими вещами не интересовалась.

— Никто.

— Тогда откуда...

— Я умею складывать числа.

— Еще вчера ты...

Он замолчал.

— Что вчера?

— Ничего.

Я не стала давить. Чем больше он скажет сам, тем лучше.

Варден взял со стола шляпу.

— Я еду с тобой.

— Зачем?

— Потому что мне уже интересно, чем закончится этот спектакль.

— Не сомневаюсь.

До двери я дошла первой.

Коридор оказался длинным, с высокими окнами и слишком большим количеством незнакомых людей, которые кланялись мне или делали вид, что не замечают.

Пришлось двигаться уверенно.

К счастью, Варден шел рядом и сам выбрал направление.

Так я впервые вышла на улицу.

И едва не остановилась.

Над крышами двигалась огромная темная фигура.

Два крыла.

Длинный хвост.

Солнечный свет скользнул по бронзовой чешуе, когда существо повернуло над городом и пошло ниже, туда, где за рядами домов поднимались несколько высоких башен.

Дракон.

Настоящий.

Не рисунок, не статуя и не какое-то местное название ма-

шины.

Дракон летел над городом, а прохожие даже не поднимали голов.

— Карета ждет, — бросил Варден.

Я заставила себя отвести взгляд.

Не сейчас.

Сначала мануфактура.

Потом драконы.

Потом все остальное безумие, в котором я каким-то образом оказалась.

Мы проехали через половину города.

Я старалась смотреть в окно так, чтобы обычное любопытство не выглядело полным невежеством.

Каменные дома постепенно сменились складами, мастерскими и длинными производственными корпусами. Над крышами стояли трубы. По широким улицам двигались грузовые повозки. Возле одного здания рабочие разгружали ящики с прозрачными пластинами.

Конкуренты?

Над воротами висела синяя вывеска.

Я запомнила ее.

Карета свернула еще дважды и остановилась у кирпичной стены.

Над аркой крупными металлическими буквами было выведено:

«СТЕКОЛЬНАЯ МАНУФАКТУРА ТЕРРАН. ОСНОВА-

НА В 312 ГОДУ».

За воротами открывался большой двор.

Первое впечатление оказалось хуже цифр.

Половина окон главного корпуса была темной. У дальней стены стояли пустые телеги. Под навесом лежали деревянные ящики, часть которых явно давно никто не трогал.

Рабочих почти не было.

Я насчитала шестерых.

Один заметил меня и сказал что-то другому.

Через минуту смотрели уже все.

И ни один не выглядел счастливым от возвращения хозяйки.

Навстречу вышел пожилой мужчина в кожаном фартуке.

Широкие ладони, седая борода, глубокая складка между бровями.

Он остановился в нескольких шагах.

— Госпожа Терран.

Не рад.

Совсем.

— Добрый день.

— Если вы приехали насчет выплаты, то я уже говорил: люди ждать больше не могут.

— Как вас зовут?

После этого лицо у него стало почти таким же, как у Вардена в кабинете.

Отлично.

Еще одна ошибка.

Я быстро добавила:

— Простите. Голова сегодня совсем не работает.

— Келан Рой.

Имя я запомнила сразу.

— Вы мастер?

— Старший смены. Пока еще.

— Сколько людей осталось?

— Четырнадцать.

Варден оказался прав.

— Остальные ушли?

— Кто смог.

— Сегодня работают две печи?

Келан посмотрел на меня внимательнее.

— Одна.

Я повернулась к Вардену.

— Ты говорил две.

— Вторая работала вчера.

— Что случилось?

Ответил Келан:

— Трещина в кладке. Я остановил печь до ремонта.

— Правильно сделали.

Он явно ожидал другой реакции.

— И сколько продукции дает одна?

— Зависит от заказа.

— Сейчас какой?

Келан помолчал.

— Никакого.

Двор вдруг показался еще пустее.

Я подошла к ближайшим ящикам.

— Что здесь?

— Возврат от Кернского транспортного дома.

Фамилия ничего мне не сказала.

— Причина?

— Не приняли качество.

— Откройте.

— Найла, — вмешался Варден, — ты не собираешься...

— Собираюсь.

Келан не спорил. Взял металлический крюк, поддел крышку и откинул ее.

Внутри вертикально стояли листы стекла, разделенные тонкими деревянными рейками.

Я наклонилась ближе.

На первый взгляд — обычное прозрачное стекло с легким зеленоватым оттенком.

— Что с ним не так?

— Волна.

Я посмотрела под углом.

Теперь увидела.

Поверхность немного искажала линии здания напротив.

— Вся партия такая?

— Почти.

— Из какой печи?

— Из второй.

— А до этого?

— Что до этого?

— Она давала такой же дефект?

Келан уже не смотрел на меня как на бесполезную хозяйку.

Теперь он пытался понять, зачем я спрашиваю.

— Иногда.

— Как часто?

— Последние месяцы чаще.

— Ретар знал?

При имени управляющего мастер помрачнел.

— Он получал все отчеты.

— Он действительно уволился вчера?

— Так мне сказали утром.

— Кто?

— Счетовод.

— Где счетовод?

Келан указал на двухэтажную пристройку.

— Контора.

Я закрыла ящик.

— Сначала туда.

Варден вздохнул.

— Ты собиралась смотреть печи.

— Посмотрю.

— Когда?

— После того как пойму, что покупали для этих печей.

Контора встретила нас запахом пыли, чернил и старого дерева.

За высоким столом сидела женщина лет сорока с очень прямой спиной. Увидев меня, она сразу поднялась.

— Госпожа Терран.

— Вы счетовод?

— Да. Мирта Сейн.

— Мне нужны книги закупок и производства за последние шесть месяцев.

Мирта не двинулась.

— Все?

— Все.

— Сейчас?

— Сейчас.

Она посмотрела на Вардена.

Это мне не понравилось.

— Госпожа Терран, часть документов у господина Мейла.

— Какая часть?

— Счета поставщиков за последние два месяца.

— Он забрал их домой?

— Не знаю.

— Когда вы видели их в последний раз?

— Три дня назад.

— А книги выдачи сырья?

— Здесь.

— Производственные отчеты?

— Здесь.

— Платежные ведомости?

— Здесь.

— Несите.

На этот раз она подчинилась.

Через несколько минут передо мной лежало семь толстых книг.

Я села за ближайший стол.

— Мне понадобится место.

Варден посмотрел на стопку.

— Ты действительно намерена это читать?

— Нет. Я намерена найти одну вещь.

— Какую?

— Пока не знаю.

Я начала с последних двух месяцев.

Сравнивала даты поставок с выдачей сырья в производство. Потом с выпуском. Потом с остатками.

Через десять минут возникла первая странность.

Через двадцать — вторая.

На сороковой минуте я попросила Мирту принести отдельную ведомость по песку.

Она принесла.

Я сверила числа.

Потом еще раз.

Нет.

Ошибки не было.

— Кто такой «Северный карьер Лейд»?

— Поставщик, — ответила Мирта.

— Давно с ними работаете?

— С конца зимы.

— До этого?

— Покупали у Бранского карьера.

— Почему сменили?

Она замялась.

— Господин Мейл сказал, что новый поставщик дешевле.

— Насколько?

— Почти на пятую часть.

— А объем поставок вырос.

Мирта поджала губы.

— В книгах так указано.

Я пролистнула еще несколько страниц.

— Где накладные на приемку?

— Должны быть вместе со счетами.

То есть у пропавшего управляющего.

Очень удобно.

— Кто принимает сырье физически?

— Обычно кладовщик.

— Имя?

— Дорс Вей.

— Он сегодня здесь?

Келан, который все это время молча стоял у двери, ответил:

— Ушел три недели назад.

Я медленно подняла голову.

— Тоже уволился?

— Да.

— Куда?

— Не говорил.

Прекрасно.

Управляющий исчез за день до переговоров.

Кладовщик — за три недели до него.

Документы по закупкам находятся неизвестно где.

А по книгам предприятие последние месяцы получало сырья значительно больше, чем могло использовать.

Я взяла карандаш и выписала цифры по неделям.

Первая.

Вторая.

Третья.

Потом производство начало падать, а поставки почти не изменились.

Варден подошел ближе.

— Что ты нашла?

— Пока только несоответствие.

— Какое?

Я развернула книгу к нему.

— В прошлом месяце сюда якобы привезли сто восемьде-

сят четыре меры песка.

— И?

— Выпустили стекла примерно на сто двадцать.

— Ты уверена?

— Нет.

Это его удивило.

— Тогда зачем...

— Потому что я пока не знаю ваши местные нормы расхода. Но если они хотя бы приблизительно постоянны, разница слишком большая.

Я посмотрела на Келана.

— Сколько песка уходит на обычную партию?

Он назвал число.

Мне понадобилось несколько секунд.

Потом я пересчитала еще раз.

Получалось даже хуже, чем я думала.

— А сколько сейчас на складе?

— Немного.

— Что значит «немного»?

— Мер пятнадцать. Может, шестнадцать.

Я встала.

— Покажите.

До склада мы дошли быстро.

Келан открыл тяжелую дверь.

Внутри стояли бочки, мешки, деревянные короба. У стены действительно находился запас светлого песка.

Я попросила показать, как они измеряют объем.

Потом пересчитала емкости.

Около шестнадцати мер.

Все сходилось.

Только не бухгалтерия.

Я вернулась к книге уже почти бегом, хотя тяжелая юбка делала это занятие унизительно неудобным.

Нашла нужную страницу.

Еще одна поставка.

Потом следующая.

Подпись кладовщика.

Одинаковая.

Слишком одинаковая.

Я не эксперт по почерку, но когда человек месяцами подписывает десятки документов, линия хоть немного меняется.

Здесь подписи лежали на странице словно отпечатки одного штампа.

— Мирта.

Она подошла.

— У вас есть документ с настоящей подписью Дорса Вея? Не приемка товара. Что-нибудь другое.

— Заявление об увольнении.

— Принесите.

Она ушла и вскоре вернулась с одним листом.

Я положила его рядом.

Подписи отличались.

Не сильно.

Но достаточно.

У настоящей буква в середине уходила вниз. В накладных

— оставалась ровной.

Варден наклонился над столом.

— Это еще ничего не доказывает.

— Согласна.

— Любой человек подписывается по-разному.

— Тоже согласна.

— Тогда почему ты так смотришь?

Я закрыла книгу.

— Потому что завтра с утра мы пересчитаем все сырье на складах.

— Мы?

— Все, кому я еще плачу.

Келан тихо произнес:

— Вы пока никому не платите.

Удар оказался заслуженным.

Я повернулась к нему.

— Сколько должны лично вам?

Он назвал сумму.

— Остальным примерно так же?

— Зависит от смен.

— Хорошо.

— Что в этом хорошего?

— То, что теперь я знаю первую цифру, которую должна закрыть.

Он смотрел на меня долго.

— А деньги?

— Найду.

— За девять дней?

— Сначала выясним, сколько у нас действительно есть и сколько у нас украли.

Последнее слово я произнесла уже сознательно.

Мирта побледнела.

Варден выругался вполголоса.

Келан не изменился в лице, но его внимание стало почти осязаемым.

— Вы думаете, Мейл... — начал он.

— Я пока думаю только то, что в книгах указано сырье, которого нет ни в готовой продукции, ни на складе. А человек, отвечавший за закупки, исчез накануне взыскания вместе с частью документов.

— Тогда надо обращаться в Палату, — сказал Варден.

— С чем?

— С подозрениями.

— И получить ответ, что предприятие плохо вело учет?

Он замолчал.

— Нет, — продолжила я. — Сначала будут цифры. Потом свидетели. Потом документы. И только после этого обвинения.

Келан впервые едва заметно кивнул.

Вот это уже было чем-то.

Я снова посмотрела на книги.

Девять дней.

Четырнадцать работников.

Одна действующая печь.

Почти тридцать тысяч долга.

Уничтоженная репутация.

Пропавший управляющий.

И я сама, каким-то образом оказавшаяся в теле женщины, которая, похоже, уже проиграла все, что могла.

Нормальный человек, наверное, именно сейчас занялся бы вопросом, как я сюда попала.

У меня имелась проблема прозаичнее.

Если через девять дней мануфактуру заберут, расследовать будет уже нечего.

— Мирта, — сказала я, открывая следующую книгу, — кто утверждал платежи «Северному карьеру»?

— Господин Мейл приносил счета вам.

Рука остановилась над страницей.

— Мне?

— Да.

— И я подписывала?

— Всегда.

Она достала из соседней папки несколько платежных распоряжений.

На каждом стояла подпись:

Найла Терран.

Я сравнила ее с подписью на соглашении, которое мне предлагали сегодня.

Почерк совпадал.

Значит, если деньги выводили через фиктивные закупки, прежняя Найла сама подтверждала платежи.

Варден заглянул через мое плечо.

— Вот видишь? Ты все подписывала сама.

— Вижу.

— Тогда никакого воровства нет.

Я внимательно изучила первый счет.

Поставщик.

Сумма.

Количество.

Дата.

Следующий.

То же самое.

Третий.

Я уже собиралась отложить бумаги, когда заметила одну мелочь.

Не в подписи.

В цене.

— Мирта, новый поставщик был дешевле на пятую часть?

— Да.

— Вы уверены?

— Господин Мейл именно поэтому предложил сменить карьер.

Я положила рядом два старых счета и один новый.

Стоимость одной меры у прежнего поставщика составляла восемнадцать корон.

У нового — семнадцать.

Никакой пятой части.

Зато в итоговой сумме стояло число, которое соответствовало двадцати двум коронам за меру.

Я проверила еще один счет.

То же самое.

— Найла? — тихо спросил Варден.

Я не ответила.

Сложила четыре платежных распоряжения рядом.

Разница каждый раз была небольшой.

Не такой, чтобы человек без привычки к цифрам сразу насторожился.

Но на десятках поставок она превращалась в сумму, от которой уже зависела зарплата нескольких работников.

И это был только один поставщик.

— Мирта, — сказала я, — принесите список всех компаний, с которыми Ретар заключал новые договоры за последние полгода.

Она не двинулась.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Их много.

— Тем лучше.

Я посмотрела на часы на стене.

До вечера оставалось совсем немного.

До потери мануфактуры — девять дней.

Но впервые с того момента, как я открыла глаза за чужим столом, у меня появилось не только множество вопросов.

Появилась точка, с которой можно было начать.

Кто-то не просто плохо управлял этим предприятием.

Кто-то методично вытаскивал из него деньги.

И судя по подписям, делал это руками прежней Найлы Терран.

Глава 2. Стекло не врет

Мирта принесла список не сразу. Пока она перебирала папки в шкафу у дальней стены, я еще раз сверила суммы в платежных распоряжениях, но ничего нового не нашла. Схема выглядела слишком простой, чтобы делать выводы после четырех счетов: одна цена заявлялась как выгодная, другая стояла в документах, третья получалась после умножения количества на итоговую сумму. Если подобное повторялось месяцами, предприятие действительно могли медленно обескровливать. Однако пока у меня были только подозрительные цифры и подписи женщины, чью жизнь я получила вместе с ее долгами.

— Нашла, — сказала Мирта.

Она положила передо мной два листа.

За последние полгода Ретар Мейл заключил договоры с семью новыми поставщиками. Кроме песка, менялись поставщики соды, извести, топлива, огнеупорной глины, деревянных ящиков и какого-то порошка под названием велит.

Последнее слово ничего мне не сказало.

— Что такое велит?

Мирта на мгновение растерялась.

— Добавка для чистого стекла.

Я посмотрела на Келана.

— Насколько важная?

— Зависит от того, что варим. Для простого оконного почти не нужен. Для толстых прозрачных листов без него тяжело убрать зеленый оттенок.

Вот и первая вещь, которой я не знала.

Я попросила Мирту отметить поставщиков, появившихся по инициативе Ретара. Она поставила галочки напротив пяти названий из семи.

— Остальные?

— «Восточные угли» предложил мастер печей. А столярную артель выбрала госпожа Терран после того, как старые ящики развалились при погрузке.

— То есть я.

Мирта осторожно кивнула.

Приходилось привыкать к тому, что прошлые решения Найлы мне теперь предъявляли как мои собственные. Оправдываться потерей памяти каждый раз было нельзя. Скоро окружающие либо решат, что хозяйка мануфактуры тяжело больна, либо начнут искать другую причину ее странностей. Ни один вариант мне не подходил.

Я провела пальцем по названиям компаний.

— Отдельные счета по ним есть?

— Не по всем.

— Тогда завтра начинаем с тех, по которым есть полный комплект документов. Никаких обвинений до проверки.

Варден, все еще стоявший рядом со столом, недовольно посмотрел на часы.

— Ты собиралась пересчитать склады утром. Теперь еще и договоры.

— Одно другому не мешает.

— За девять дней ты не успеешь разобрать полугодовой учет.

— Мне не нужно разбирать каждую бумагу. Нужно понять, где появился устойчивый перекося.

— И это даст тебе тридцать тысяч?

— Нет. Но позволит перестать терять то, что еще осталось.

Ответ его явно не убедил, однако спорить он не стал.

Я закрыла папку с поставщиками и вспомнила ящики во дворе.

Возврат Кернского транспортного дома.

Плохое стекло.

Волна на поверхности.

Если я собиралась вытянуть мануфактуру из долгов, одними счетами дело не ограничивалось. Можно найти человека, который воровал, вернуть часть денег, добиться отсрочки, но предприятие без покупателей все равно умрет. Причина возвратов была не менее важна, чем исчезнувшее сырье.

— Келан, покажите мне ту партию полностью.

— Какую?

— Возврат Кернского дома.

Он посмотрел в окно, за которым уже заметно темнело.

— Сегодня?

— Если можно увидеть хотя бы часть при нормальном свете.

— В цехе свет есть.

Вот и еще одна новая подробность местного мира.

Я не стала уточнять, откуда именно там брался свет. Вопросы и без того хватало.

— Тогда идем.

Мирта подняла голову от бумаг.

— А счета?

— Заприте их. Завтра продолжим.

— Господин Мейл обычно...

— Господина Мейла здесь нет.

Я сказала это без нажима, но женщина сразу замолчала.

— Если кто-нибудь попросит книги до моего возвращения, не отдавайте.

— Даже...

Она посмотрела на Вардена.

— Даже моему двоюродному брату.

— Благодарю, — сухо сказал он.

— Не за что.

Мы вышли из конторы втроем. Мирта осталась внутри, хотя я заметила, как она подошла к двери и повернула ключ сразу после нашего выхода.

Келан повел нас не к ящикам во дворе, а в главный производственный корпус.

В первый раз днем я только мельком увидела мануфактуру снаружи. Теперь мне предстояло войти туда, где, если верить документам, последние месяцы исчезали деньги, сырье и заказы.

За тяжелой дверью оказалось жарче, чем во дворе. Не настолько, как я ожидала от стекольного производства, но достаточно, чтобы через несколько шагов пожалеть о платье с плотным воротником. Большой вытянутый зал пересекали кирпичные каналы, вдоль стен стояли рабочие столы, формы и инструменты. Дальше виднелись четыре массивные печи. Одна работала, ее отверстие отбрасывало на пол яркий свет. Вторая была темной. Еще две выглядели так, словно их не использовали давно.

Я задержалась всего на секунду.

Не от восторга.

От профессиональной привычки.

Любое производство сначала воспринимаешь целиком: как расставлено оборудование, куда идет человек с сырьем, где ему приходится делать лишние шаги, что мешает проходу, какие места используются, а какие постепенно превращаются в склад ненужного.

Здесь проблем было достаточно и без внимательного осмотра.

У первой печи работали трое мужчин. Один повернул голову в нашу сторону, но руки не остановил. Перед ним на металлической площадке стояла небольшая раскаленная за-

готовка, которую он прокатывал длинным инструментом.

— Вы сказали, заказов нет, — напомнила я.

— Нет крупных, — ответил Келан. — Делаем то, что можно продать со двора: банки, простые пластины, кое-что для мастерских.

— Печь поэтому не останавливаете?

Он посмотрел на меня уже с привычной настороженностью.

— Если погасить, потом потребуется несколько дней на нормальный прогрев. Да и кладка может не выдержать полного охлаждения. Пока есть топливо, держим.

Я кивнула.

Хорошо, что сначала спросила.

В моем мире современная промышленная стекловаренная печь тоже не была оборудованием, которое можно выключить на ночь, словно кухонную плиту. Но устройство местных печей я видела впервые и делать умный вид не собиралась.

— Значит, первая должна работать, даже если выпуск небольшой.

— Пока можем ее кормить.

— Топлива на сколько?

Келан задумался.

— Если не увеличивать нагрузку, дней на пять. Может, на шесть.

Девять дней до взыскания.

Еще одна цифра в список неприятностей.

— Следующая поставка?

— Не будет.

— Почему?

— «Восточные угли» требуют сначала закрыть старый счет.

Я запомнила название. Оно не относилось к поставщикам Ретара, поэтому считать его частью подозрительной схемы пока не было оснований.

Варден прошел чуть вперед и обернулся.

— Именно это я пытался тебе объяснить. Даже если ты найдешь ошибку в счетах, через неделю печь встанет.

— Если я найду ошибку в счетах, у нас появится возможность объяснить кредиторам, почему предприятие оказалось в таком положении.

— Кредиторов не интересуют объяснения.

— Тогда придется заинтересовать их чем-нибудь другим.

— Чем?

— Пока не знаю.

Варден хотел ответить, но Келан уже открывал боковую дверь.

— Возврат здесь.

Мы вошли в помещение, которое, судя по всему, использовали для сортировки готовой продукции. Вдоль стен стояли деревянные стойки с листами стекла. С одного края громоздились ящики с пометками мелом. В нескольких ме-

стах были установлены высокие светильники, внутри которых ровно горели небольшие белые огни.

Я остановилась возле ближайшего.

Никакого пламени.

За матовым колпаком находился небольшой светящийся камень.

Магия, видимо.

Еще вчера я бы потратила много времени хотя бы на попытку понять, что передо мной. Сейчас он был всего лишь удобным источником света.

Келан отодвинул засов на одном из ящиков.

— Эту партию Кернский дом вернул два дня назад. Восемьдесят четыре листа.

— Все из второй печи?

— Да.

— Когда изготовили?

— В течение трех дней.

— Один состав?

— Один.

— Одна смена?

— Две.

Это было полезно.

Если дефект повторялся у разных работников в разных сменах, вероятность простой ошибки одного мастера становилась меньше.

Келан достал первый лист и установил его вертикально на

деревянную опору.

Я подошла ближе.

При прямом взгляде стекло выглядело приемлемо. Стоило сместиться в сторону, и вертикальная стойка за ним слегка изгибалась. Волна проходила почти через весь лист.

— Еще.

Келан поставил второй.

Похожая картина, но искривление шло выше.

Третий оказался почти нормальным.

Четвертый снова давал заметную волну.

— Они все стояли в одном ящике после изготовления?

— Нет. Их собирали из разных стоек перед отправкой.

— Значит, последовательность производства сейчас потеряна.

— В накладной есть номера.

— На самих листах тоже?

Келан указал на нижний угол.

Я присмотрелась и увидела крошечные знаки, нанесенные прямо на поверхность.

— Что означают?

— Печь, день и номер варки.

Прекрасно.

В этом мире могли не знать привычных мне приборов, зато учет партий здесь существовал.

— Дайте мне бумагу.

Варден сразу посмотрел на меня.

— Ты собираешься переписать все восемьдесят четыре?

— Нет. Сначала десять.

Келан принес небольшой лист и угольный карандаш. Я записала номера стекол и попросила последовательно показать еще несколько.

Дефект встречался в разных варках.

Но не во всех.

Я разложила номера по порядку и посмотрела на Келана.

— Что менялось между этими варками?

Он взял бумагу.

— Ничего.

— Совсем?

— Один состав. Одна печь. Температуру держали одинаково.

— Как определяете температуру?

Келан показал на ряд узких отверстий в стене печи.

— По контрольным стержням.

— Каким образом?

Он достал из ящика тонкий стержень серого цвета.

— Если нагрев правильный, метка становится белой. Если выше нужного — желтой. Если ниже — остается серой.

Я повертела стержень в пальцах.

Удобно.

Не точный прибор в привычном смысле, но гораздо лучше, чем определять все на глаз.

— Эти стержни одинаковые?

— Для каждой температуры свои.

— Их кто поставляет?

— Гильдия печников. Ретар к ним отношения не имел, если вы об этом.

Келан начал понимать направление моих вопросов.

— Хорошо. На этих варках показания были нормальными?

— В журнале должны быть отметки.

— Проверим завтра. А сейчас расскажите, почему именно Кернский дом отказался от партии.

— Они заказали листы для боковых галерей нового терминала. Там важно, чтобы через стекло не искажались посадочные сигналы.

Теперь становилось понятно, почему небольшая волна считалась серьезным браком.

— А обычный покупатель взял бы такое стекло?

— Для склада или мастерской — взял бы, если снизить цену. Для дома тоже некоторые берут. Но после вокзала никто не хочет покупать даже наш хороший товар, если на нем стоит клеймо Терран.

Келан произнес это без жалобы. Просто назвал факт.

Именно поэтому прозвучало хуже.

Я снова посмотрела на стекло.

— Что вы считаете причиной волны?

— Печь.

— Что именно?

— После весеннего ремонта она начала гулять.

— В каком смысле?

— Один край варочной камеры держит жар хуже другого.

Мы меняли кладку с той стороны дважды. Помогает ненадолго.

— Почему не остановили и не переделали нормально?

Келан повернулся ко мне всем корпусом.

— Потому что нормальный ремонт стоит денег. Господин Мейл запретил останавливать вторую печь больше чем на день.

— А я?

Он выдержал небольшую паузу.

— Вы согласились.

Вот и еще одно решение прежней Найлы.

Неприятное, но объяснимое. Если предприятие уже теряло заказы, хозяйка могла цепляться за любой выпуск и бояться длительной остановки.

— Хорошо, — сказала я. — Теперь остановлена.

— Да.

— Трещина в кладке появилась там же?

Келан впервые посмотрел на меня с явным интересом.

— Почти.

— Покажете завтра при дневном свете.

— Покажу.

Я снова перевела взгляд на лист.

Волна была проблемой. Реальной, дорогой, требующей

ремонта. Но она никак не объясняла катастрофу на вокзале.

— Те панели тоже делали на второй печи?

Келан помолчал.

— Нет.

— На первой?

— Да.

— Волна была?

— Нет.

— Другие претензии до установки?

— Не было.

Я отступила от стекла.

— Тогда я хочу увидеть образец из той партии.

Варден недоверчиво усмехнулся.

— Какой образец? Прошло несколько месяцев.

Келан не ответил сразу.

Это меня насторожило.

— Есть?

— Контрольный.

— Где?

— У меня.

Варден повернулся к нему.

— Ты говорил комиссии, что все образцы забрали.

— Они забрали то, что числилось в основном архиве.

— А этот?

Келан посмотрел на меня.

— Я оставил один до отправки.

— Зачем?

— Потому что за два дня до отгрузки Ретар потребовал уничтожить контрольные пластины с небольшими пузырями. Сказал, что после приемки они больше не нужны. Мне это не понравилось.

— И вы спрятали одну?

— Не спрятал. Отложил в мастерской. Потом началось расследование, и я решил не напоминать.

Варден резко сказал:

— За такое тебя могли вышвырнуть из гильдии.

— Могли.

— И ты молчал все эти месяцы?

Келан посмотрел на него спокойно.

— А кому я должен был говорить? Комиссия написала заключение через три дня. Госпожа Терран подписала согласие с результатами. Ретар заявил, что вина производства доказана. После этого каждый, кто пытался спорить, рисковал остаться без работы раньше остальных.

Я почувствовала неприятный укол.

Опять Найла.

Ее подпись.

Ее согласие.

Ее молчание.

Пока я знала эту женщину только по тому, что она не делала: не следила за счетами, не проверяла управляющего, согласилась с сомнительным расследованием, позволила рабо-

тать неисправной печи.

Слишком удобно было бы решить, что прежняя хозяйка просто оказалась глупой.

Я не верила в удобные объяснения.

— Почему она согласилась с заключением?

Келан сжал губы.

— Не знаю.

— Но вы присутствовали при расследовании?

— Первый день.

— Потом?

— Нас не пустили на вокзал.

— Почему?

— Кернский дом закрыл площадку после второй треснувшей панели. Потом приехала комиссия.

Вторая.

Не одна.

— Сколько панелей разрушилось?

— Три полностью. Еще девять сняли после проверки.

— Люди пострадали?

Келан отвел взгляд.

— Один монтажник сломал руку. Еще двоих задело осколками, но они вернулись к работе через несколько дней.

Я не стала расспрашивать дальше. Для репутации мануфактуры достаточно было и этого.

— Контрольный образец покажете?

Келан кивнул.

— Он не здесь.

— Далеко?

— В мастерской возле третьей печи.

— Идем.

Варден остался у ящиков.

— Найла, уже темно.

— Внутри светло.

— Я не об освещении.

Я повернулась к нему.

— Ты куда-то торопишься?

— Вообще-то у людей есть дома.

— Тогда не задерживаю.

Он посмотрел на меня несколько секунд, потом все-таки пошел следом.

Мастерская Келана оказалась небольшой комнатой, при-
мыкавшей к производственному залу. Тут хранилось значи-
тельно меньше вещей, чем я ожидала. Несколько инструмен-
тов висели на стене, на полках лежали формы, металличе-
ские планки, куски кирпича и небольшие стеклянные пла-
стины с надписями.

Келан отодвинул нижний ящик тяжелого шкафа.

Из него он достал завернутый в плотную ткань прямо-
угольник размером примерно с две ладони.

— Это от той варки.

— От какой именно?

Он назвал номер.

Я уже видела его раньше.

Не сегодня.

В бумагах.

Пришлось вернуться мысленно к ведомости выпуска, которую я листала в конторе.

— Вторая партия перед отправкой?

— Да.

Келан развернул ткань.

Стекло было почти бесцветным. Толще того, которое вернул Кернский дом сегодня, и значительно ровнее.

Я подняла его к свету.

Никакой заметной волны.

Пузырь был один, совсем небольшой, возле края.

— Комиссия утверждала, что причина аварии была в чем?

— В неправильном охлаждении.

— Точнее.

Келан задумался, подбирая слова.

— В заключении написали, что внутри листов осталось напряжение после слишком быстрого отжига. На вокзале температура изменилась, крепления дали нагрузку, и панели не выдержали.

Звучало правдоподобно.

Именно поэтому подобные объяснения особенно опасны.

Если человек ничего не знает о стекле, фраза про внутреннее напряжение закрывает вопрос. Стекло хрупкое, стало холоднее или теплее, что-то пошло не так, оно треснуло.

Все понятно.

Для меня — нет.

— Контрольный образец проверяли?

— Нет.

— Почему?

— Комиссия привезла свои куски с вокзала. Сказали, заводские образцы ничего не доказывают, потому что могли быть из другой части варки.

В этом была логика.

Если режим действительно нарушался, контрольная пластина не обязана повторить судьбу каждого большого листа.

— У вас остались куски разрушенных панелей?

Келан медленно кивнул.

Я уже начинала уважать его привычку ничего не выбирать.

— Сколько?

— Три.

Варден посмотрел на него почти с возмущением.

— Ты еще и это хранишь?

— Мне за склад не платят, так что место выбираю сам.

Впервые за весь день я услышала от Келана что-то похожее на шутку.

— Откуда куски?

— Один подобрал сам в первый день. Два отдали позже, когда разбирали остатки и возвращали нам деревянные рамы.

— Они точно из разрушившихся панелей, а не из снятых?

— Первый точно. Два других лежали в ящике с отметкой второго разрушения. За их происхождение поручиться не могу.

Это было честнее, чем уверенное заявление там, где доказательств нет.

— Покажите все.

На этот раз он достал другой ящик.

Внутри лежали три завернутых свертка.

Первый кусок был большим, почти треугольным. Один край оставался ровным, заводским, два других шли по линии разрушения.

Я взяла его осторожно.

Стекло оказалось тяжелым.

— Это где стояло?

Келан подошел ближе.

— Если правильно помню, нижняя секция западной галереи.

— В какой ориентации?

Он показал.

Я повернула фрагмент так, как он находился в раме.

— Здесь начиналась трещина?

— Комиссия сказала, что примерно здесь.

Он указал на нижний край.

Мне пришлось попросить дополнительный свет.

Келан снял со стены один из белых камней в металличе-

ском держателе и поставил рядом со мной.

Я наклонила стекло.

Первые несколько секунд ничего необычного не замечала.

Потом увидела маленькую выщербину на кромке.

— Это повреждение было до аварии?

— Не знаю.

— Монтажное?

— Могли зацепить при установке.

Да.

Могли.

Любой скол на кромке ухудшает прочность стекла. Этого достаточно, чтобы при нагрузке трещина пошла именно отсюда.

Но комиссия утверждала, что проблема возникла из-за плохого отжига.

Я провела пальцем рядом с повреждением, не касаясь острой линии.

— На остальных есть такое же?

Келан развернул второй фрагмент.

Скол.

Почти в том же месте относительно края.

На третьем пришлось искать дольше.

Там осталась только часть заводской кромки, но небольшой дефект тоже обнаружился.

Я переставила светильник ближе.

— Варден, подойдешь?

— Зачем?

— Хочу понять, вижу ли это только я.

Он подошел.

— Что именно?

Я показала первый скол.

— Видишь?

— Вижу.

Потом второй.

— И?

Третий.

Варден нахмурился.

— Они похожи.

— Именно.

Келан взял первый фрагмент и посмотрел внимательнее.

— При перевозке могли биться о рамы.

— Три панели в одном месте?

— Если их ставил один человек неправильно.

— Мог.

Я не собиралась доказывать саботаж только потому, что мне хотелось его найти.

Взяла контрольный образец и осмотрела кромку.

Ровная.

— Как резали большие панели?

Келан показал инструмент с острым наконечником.

— Сначала линия, потом ломаем по ней. Кромку шлифуем.

— После шлифовки проверяете?

— Всегда.

— Такие сколы допустили бы к отправке?

Келан ответил не сразу.

— Нет.

— Почему?

— На большой панели это слабое место.

— Значит, либо три разных дефектных листа пропустили контроль, либо сколы появились после отгрузки.

— Если их действительно три, — напомнил Варден.

— Поэтому я ничего не утверждаю.

Я положила фрагменты рядом.

Свет проходил через них и ложился на стол неровными прозрачными пятнами.

Само по себе наличие сколов еще не отменяло официальную версию. Плохо отоженное стекло с поврежденной кромкой ломалось бы еще охотнее. Нужен был другой признак.

Я подняла первый кусок и посмотрела на поверхность излома.

В университете нас учили читать разрушение материала не хуже схемы оборудования. Потом за годы работы многое стало привычкой: где трещина началась, куда пошла, что ее остановило, в каком месте нагрузка оказалась максимальной.

Стекло не объясняет словами.

Зато оно сохраняет последствия.

— Келан, где заключение комиссии?

— В конторе.

— Полное?

— Копия.

— Принесите.

Он ушел.

Варден прислонился к краю стола.

— Ты действительно понимаешь, что делаешь?

— Не все.

— Первый честный ответ за вечер.

— Я весь день отвечаю честно. Тебе просто не нравятся

ответы.

— Ты весь день ведешь себя так, словно стала другим человеком.

Я не подняла головы.

Слишком близко.

— Может быть, потеря предприятия действует на меня благотворно.

— На тебя никогда ничего не действовало благотворно.

— Спасибо за семейную поддержку.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Он не отступал.

— Ты не помнишь моего имени. Не помнишь Мирту. Спрашиваешь, как устроено производство, хотя выросла ря-

дом с этими печами. А потом берешь книги и находишь то, чего полгода не видел ни один счетовод.

Я медленно положила осколок на ткань.

Разговор рано или поздно должен был состояться.

Только не сегодня.

— Я не сказала, что не помню Мирту.

— Ты спросила, кто она.

— Потому что хотела услышать, как она сама представит свою должность.

— Найла.

— Что?

Он оттолкнулся от стола.

— Хотя бы не считай меня идиотом.

— Не считаю.

— Тогда скажи, что произошло.

Я посмотрела на него.

Если бы существовал хороший ответ, я бы его использовала.

Ударилась головой? Он мог потребовать объяснить когда и где.

Перенервничала? Это не объясняло забытые имена.

Потеряла память? Слишком серьезное заявление, после которого меня могли просто отстранить от дел.

Правда не годилась еще сильнее.

Здравствуйте, Варден. Твоя родственница, вероятно, исчезла, а в ее теле теперь женщина из мира без драконов, зато

с высшим техническим образованием.

Даже для происходящего вокруг это звучало чрезмерно.

— Когда я сама буду понимать больше, тогда и отвечу, — сказала я.

— Очень удобная фраза.

— Другой нет.

Он неожиданно не стал спорить.

— Ладно. Но если ты решила притвориться кем-то другим ради долгов, выбрала странный способ.

— Я учту.

Келан вернулся с папкой.

Разговор закончился, но я понимала, что Варден к нему еще вернется.

Мастер положил на стол заключение.

Документ оказался подробным. Я пролистнула первые страницы, пропуская описание вокзала и состав комиссии, пока не дошла до результатов обследования.

«Причина разрушения: остаточные напряжения в стекольных панелях вследствие нарушения режима охлаждения при изготовлении».

Ниже перечислялись признаки.

Разветвленная сеть трещин.

Разрушение без непосредственного сильного удара.

Отсутствие видимых дефектов крепежных рам.

Три панели разрушились в течение двух дней.

Комиссия сделала вывод, что стекло имело нестабильную

внутреннюю структуру.

Я перечитала еще раз.

— Где описание места начала трещин?

Келан указал ниже.

Там имелась схема.

Первая панель — нижний левый край.

Вторая — нижний левый край.

Третья — нижний левый край.

Я положила три фрагмента рядом.

— Это уже интереснее.

Варден заглянул в документ.

— Почему?

— Потому что случайный производственный дефект не обязан трижды выбирать одно и то же место.

— Если ошибка была при установке, обязан.

— Верно.

Он удивился.

— Ты со мной согласилась?

— Постарайся пережить.

Я еще раз прочитала раздел про крепления.

Комиссия проверила рамы и признала их исправными.

Значит, оставалось три варианта.

Заводской дефект.

Повреждение при перевозке.

Повреждение при установке или после нее.

И почему-то комиссия выбрала первый.

— Кто представлял мануфактуру на обследовании?

— Ретар, — ответил Келан.

Разумеется.

— А вы?

— Меня не пустили после первого дня.

— Почему?

— Ретар сказал, что комиссии нужны документы, а не мастера.

— Прежняя Найла была?

Келан посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— Один раз.

— На каком этапе?

— Когда подписывали итоговый акт.

То есть хозяйка не участвовала в технической части исследования, но приняла результат.

Почему?

Я пролистнула страницу.

— Здесь написано, что провели испытание образцов.

— Да.

— Каких?

Келан пожал плечами.

— Тех, что забрали с вокзала.

— Целые панели?

— Насколько я знаю, несколько снятых.

— Их проверяли на разрушение?

— Наверное.

— Вы не присутствовали.

— Нет.

Я продолжила читать.

Испытания подтвердили наличие внутренних напряжений.

Вот это было уже существеннее.

Если проверка проведена честно, одной похожей выщербинкой официальное заключение не опровергнешь.

— Что за метод?

Келан наклонился.

— Где?

Я показала строку.

«Проверено в зеркальном поле».

— Не знаете?

— Я знаю, что это делают магистры строительной палаты. Светят через стекло каким-то кристаллом и смотрят линии. Это напоминало полярископ.

Если местная магия позволяла видеть напряжения в стекле, комиссия действительно могла обнаружить плохой отжиг.

— И у нас такое проверить нельзя?

— Нет.

— Вообще?

— У стекольной гильдии есть прибор, но за проверку берут деньги.

— Сколько?

Келан назвал сумму.

Не катастрофическую.

Но при трехстах коронах на счету и долгах по зарплате каждый расход требовал смысла.

Я снова взяла контрольный образец.

Если комиссия права, остаточное напряжение должно присутствовать хотя бы в части стекла этой варки. Но один кусок ничего не докажет.

— Контрольные образцы других варок сохранились?

— Некоторые.

— Сколько примерно?

— Десятка два за тот месяц.

— Из партии вокзала?

— Еще четыре или пять.

Уже лучше.

— Завтра соберем.

— Хотите нести в гильдию?

— Сначала хочу посмотреть номера.

Я перевернула заключение.

В приложении перечислялись номера исследованных панелей.

Вот тут стало действительно интересно.

— Келан.

— Да?

— Как читается номер варки?

Он подошел.

Я указала на первую строку.

— Первая цифра — печь. Потом день. Потом номер.

— Здесь указана первая печь?

— Да.

— Во всех?

Он быстро просмотрел список.

— Да.

— А партия вокзала вся была с первой?

— Вся.

— Номер отгрузки где?

— Последние две цифры.

Я подняла контрольный образец и сравнила клеймо.

Совпадало начало.

Это был тот же производственный цикл.

Пока все логично.

Я вернулась к фрагменту.

Маленький скол у нижнего левого края.

Если стекло установили вертикально, именно там могли воздействовать рамой или инструментом.

— Как панели перевозили?

— В стойках.

— Вертикально?

— Да.

— Нижний левый край мог тереться о крепление?

— Не должен.

— Не должен или не мог?

— Если стойка исправна, не мог.

— Стойки вернули?

— Кажется, да.

Еще одна вещь для проверки.

Я провела ногтем по гладкой поверхности рядом со сколом и заметила тонкую линию.

Не трещину.

Царапину.

Совсем короткую.

Она шла от выщербины внутрь панели примерно на ширину пальца.

— Свет ближе.

Келан пододвинул камень.

Я наклонила стекло под другим углом.

Линия стала виднее.

На втором фрагменте была такая же.

На третьем — тоже.

Теперь я почувствовала настоящее напряжение, но не стала торопиться.

— Чем можно оставить такую царапину?

Келан посмотрел.

— Резаком.

— Во время производства?

— Если кто-то сошел с ума.

— Почему?

— После шлифовки край больше не режут. Это готовый

лист.

— А при монтаже?

— Можно задеть инструментом.

— Три раза в одном месте.

Он взял второй фрагмент.

Теперь уже сам поднес его к свету.

— Похоже.

Варден тоже перестал комментировать.

Я достала из лежавших рядом инструментов тонкую деревянную рейку и приложила ее к сколу.

Царапина шла почти перпендикулярно кромке.

Не случайное скольжение.

Скорее короткий нажим режущим инструментом от края внутрь.

Если сделать такой надрез, не обязательно разбивать стекло сразу. Достаточно создать слабое место, а дальше нагрузка от рамы, вибрация или перепад температуры сделают остальное.

Я знала этот принцип.

Вопрос был в том, знали ли его здесь.

— Келан, если намеренно надрезать край готовой панели, что произойдет?

Он ответил сразу:

— Может лопнуть.

— Сразу?

— Не обязательно. Зависит от глубины, нагрузки и раз-

мера.

— Значит, для вас это не открытие.

— Конечно нет.

— Комиссия должна была увидеть след.

Келан отвернулся к заключению.

— Должна.

— И все равно написала про плохой отжиг.

— Да.

Варден подошел ближе.

— Вы хотите сказать, кто-то специально испортил панели перед установкой?

— Я хочу сказать только то, что на трех доступных нам фрагментах есть повреждение в районе, откуда, по схеме комиссии, началось разрушение.

— Это и есть одно и то же.

— Нет. Если я начну выдавать предположение за доказанный факт, буду ничем не лучше людей, которые уже закрыли дело удобным заключением.

Он помолчал.

— Но ты считаешь, что их повредили.

— Я считаю, что эту версию надо проверить.

Келан не отрывался от осколка.

— На производстве такого не было.

— Вы не можете знать наверняка.

Он резко посмотрел на меня.

— Я принимал ту партию лично.

— Каждый лист?

— Каждый.

— Осматривали все кромки?

— Да.

— Сколько человек участвовало?

— Я и двое мастеров.

— Кто-нибудь из них еще работает здесь?

— Один. Твер.

— Он сегодня в цехе?

— Уже ушел.

— Завтра поговорим.

Келан явно хотел убедить меня, что помнит все правильно, но я не собиралась превращать его уверенность в доказательство.

— Еще вопрос. Кто был последним человеком от мануфактуры, который видел панели до установки?

— Возница и Ретар.

— Ретар ездил на вокзал?

— Он лично сопровождал первую отгрузку.

Я посмотрела на него.

— Зачем управляющему сопровождать стекло?

— Заказ был крупнейшим за год. Кернский дом требовал представителя поставщика при приемке.

— Логично.

— Потом Ретар несколько раз ездил туда из-за монтажа.

— Он разбирался в монтаже?

— Нет.

— Тогда зачем?

Келан пожал плечами.

— Говорил, что заказчик нервный и нельзя оставлять их без внимания.

Вполне разумное объяснение.

Слишком разумное, чтобы автоматически считать это уликой.

Я взяла третий фрагмент.

Надрез на нем был чуть длиннее остальных.

— Какой стороной стекло стояло наружу?

Келан показал.

— Уверены?

— На заводском клейме есть метка лицевой стороны.

Я нашла ее.

Царапины находились с внутренней стороны.

— Значит, если повреждение сделали после установки, к нему можно было подойти из галереи.

— Да.

— А если до установки, неважно.

— Да.

Я отложила осколок.

У меня были три похожих повреждения, но все еще не было причины считать их умышленными.

Мог существовать один небрежный монтажник.

Неправильный инструмент.

Дефектные прокладки в рамах.

Особенность конструкции, из-за которой край каждый раз страдал в одном месте.

И все же версия комиссии начинала выглядеть слишком узкой.

— Мне нужна схема рамы.

Келан открыл папку.

— Здесь есть.

Я внимательно рассмотрела чертеж.

Стекло удерживали четыре металлических захвата с мягкими вставками. Нижний левый находился именно там, где начинались трещины.

Вот тебе и простой ответ.

— Крепление, — сказал Варден.

— Возможно.

Келан покачал головой.

— Комиссия его проверяла.

— Они могли проверить пустую раму уже после разрушения.

— Да.

— Вставку могли заменить?

— Могли.

— Она могла быть жестче остальных?

— Могла.

Варден развел руками.

— Тогда зачем вообще говорить о подставе? Плохое креп-

ление намного вероятнее.

— Потому что плохое крепление все равно снимает часть вины с производства.

— Но не доказывает злой умысел.

— Я и не говорю о злом умысле.

Он посмотрел так, словно прекрасно помнил, что в конторе я уже употребила слово «украли».

Я решила не спорить.

Вместо этого спросила у Келана:

— У вас есть кусок стекла такого же размера, который можно испортить?

— Сейчас?

— Сейчас.

— Зачем?

— Хочу увидеть, как выглядит надрез, сделанный вашим резакком.

Он подумал и нашел в углу несколько обрезков.

— Этот подойдет.

— Покажите обычный рез.

Келан взял инструмент, положил стекло на стол и провел короткую линию от края внутрь.

Звук был знакомым до странности.

Тихий сухой скрежет.

Один из тех звуков, которые возвращают память быстрее фотографий.

На секунду перед глазами возник совсем другой цех: со-

временное оборудование, защитные экраны, маркировка на полу, металлические стеллажи.

Моя жизнь.

Настоящая.

Я отогнала воспоминание и наклонилась к стеклу.

Линия получилась похожей.

Но не идентичной.

— Слишком глубокая.

— Я резал как обычно.

— Попробуйте слабее.

Келан провел вторую.

Теперь сходство было больше.

Особенно у края.

Варден перестал делать вид, что происходящее его не впечатляет.

— То есть эти панели резали после изготовления.

— Их поверхность чем-то надрезали, — поправила я. — Возможно, именно таким инструментом. Возможно, другим.

— А потом они лопнули.

— Возможно.

Он раздраженно произнес:

— Ты можешь хотя бы раз сказать что-нибудь определенно?

— Могу. Если сейчас пойти в Палату и заявить, что мануфактуру намеренно подставили, нас попросят доказать каждое слово. Если мы принесем три старых осколка без под-

твержденной истории хранения и скажем, что видим на них царапины, над нами посмеются.

Келан медленно кивнул.

— Она права.

Варден посмотрел на него.

— Еще утром ты собирался требовать зарплату.

— Я и сейчас собираюсь.

— Очень последовательный человек.

— Работаю над этим много лет.

Мне почти понравился Келан.

— Значит, нужны вещи, которые нельзя объяснить плохой памятью мастера или случайной царапиной, — сказала я. — Начнем с документов. Все номера панелей, время производства, кто принимал, кто грузил, кто вез. Потом найдем тех, кто устанавливал их на вокзале.

— Кернский дом не пустит вас туда, — сказал Келан.

Фамилия снова прозвучала.

— Почему?

Мастер переглянулся с Варденом.

— Потому что после аварии господин Керн расторг с нами договор и потребовал возмещение.

— Какой именно господин Керн?

— Эрваст Керн.

Имя мне ничего не говорило.

Пока.

— Он владелец транспортного дома?

— Один из владельцев.

— И именно его компания строила вокзал?

— Да.

— Он участвовал в расследовании?

— Лично.

Я посмотрела на папку.

— Тогда рано или поздно придется поговорить с ним.

Варден коротко рассмеялся.

— Вот на это я бы посмотрел.

— Что смешного?

— Эрваст Керн едва не добился запрета для мануфактуры

Терран участвовать в городских заказах на пять лет.

— Почему не добился?

— Гильдия стекольщиков возразила. У вас не было прежних аварий, и комиссия ограничилась взысканием.

— Значит, он считает нас виновными.

— Он не считает. Он уверен.

— Тем интереснее будет показать ему другое объяснение.

Варден покачал головой.

— Ты сегодня удивительно смелая.

— Это потому, что я пока не знаю, кого здесь принято бояться.

Он посмотрел на меня слишком внимательно, и я пожалела о фразе сразу после того, как произнесла ее.

Пришлось вернуться к документам.

В приложении к заключению была еще одна схема. На ней

отмечались места разрушения всех трех панелей и положение соседних секций.

Я несколько секунд смотрела на рисунок.

Потом повернула лист.

— Келан, вокзал симметричный?

— В каком смысле?

— Западная и восточная галереи одинаковые?

— Почти.

— Стекло наше стояло на обеих?

— Да.

— Разрушилось только на западной?

— Да.

— Сколько наших панелей было на восточной?

— Не помню. Несколько десятков.

— Они тоже из этой партии?

Келан задумался.

— Из тех же двух отгрузок.

Это уже было интересно.

Если причиной был системный дефект отжига, он мог проявляться не во всех листах. Такое возможно.

Но почему разрушались только панели одной галереи?

— Комиссия проверяла восточную сторону?

— Снимали несколько листов на испытание.

— И нашли напряжение?

— В заключении написано, что да.

Я нашла соответствующий раздел.

Действительно.

Следовательно, сами внутренние напряжения могли существовать.

Но они не обязательно были причиной разрушения.

Вот это принципиальная разница.

Любое стекло имеет внутреннее напряжение в той или иной степени. Вопрос в величине, распределении и условиях нагрузки.

Комиссия могла найти реальный недостаток производства и решить, что он объясняет все.

А настоящая причина могла находиться в другом месте.

— Келан, насколько плохо мы отжигали ту партию?

Он нахмурился.

— Я не говорил, что плохо.

— Но комиссия нашла напряжение.

— После их заключения мы проверили режим. Ретар заставил поднять время выдержки почти на четверть.

— То есть допустили, что проблема действительно была.

— Конечно. После трех разбитых панелей нельзя было просто сказать, что все вокруг дураки.

Ответ мне понравился.

— После изменения режима подобное повторялось?

— Нет.

— Но крупных заказов тоже почти не было.

— Именно.

Вот почему невозможно было просто заявить, что комис-

сия ошиблась.

Изменили технологию, аварии прекратились, значит, со стороны все выглядело логично.

Только три одинаковых надреза не вписывались.

Я еще раз посмотрела на фрагменты.

— Можно их забрать в контору?

Келан помедлил.

— Если никто не разобьет.

— Никому не давайте без меня.

— Хорошо.

— И контрольные образцы той партии тоже.

— Завтра соберу.

— Сегодня не надо.

Он удивился.

— Вы же торопитесь.

— Тороплюсь. Поэтому не хочу заставлять людей искать ночью то, что утром можно найти быстрее.

Варден тихо сказал:

— Невероятно.

— Что именно?

— Ты заметила, что люди устали.

— Я тоже умею удивлять.

Мы вернулись в сортировочную.

На рабочем столе все еще стояли десять листов из возвращенной партии.

Я посмотрела на них иначе.

Сегодняшний брак был настоящим.

Никакой подставы здесь не требовалось. Вторая печь действительно давала волну, и мануфактура отправила покупателю товар, который не соответствовал заказу.

Если я хотела вернуть репутацию, нельзя было свалить каждую проблему на заговор.

— Эту партию больше никому не отправлять как первый сорт.

Келан кивнул.

— Я и не собирался.

— Можно продать дешевле туда, где искажение неважно?

— Часть.

— Какая цена?

Он назвал примерно половину обычной.

— Сколько получим за всю пригодную часть?

Келан прикинул.

— Если найдем покупателей, около четырехсот пятидесяти корон.

Я повернулась.

— На счету меньше трехсот.

Варден насторожился.

— К чему ты ведешь?

— К тому, что во дворе лежит товар почти на пятьсот корон, который никто даже не пытается продать.

— После истории с вокзалом его никто не хочет.

— По полной цене.

— И по половине не выстроятся.

— Значит, будем искать тех, кому важнее цена, чем идеальная картинка за окном.

Келан задумался.

— Склады у речной пристани иногда берут второй сорт.

— Знаете кого-нибудь?

— Раньше брали у нас. Можно отправить человека утром.

— Не утром.

Он не понял.

— Почему?

— Утром все четырнадцать нужны здесь. Пересчитываем остатки, собираем контрольные образцы, проверяем журналы. После этого решим, что реально можем продать и в каком количестве.

Келан внимательно посмотрел на меня.

— Все четырнадцать?

— Вы сказали, люди хотят денег.

— Хотят.

— Тогда я покажу им, что пытаюсь их найти.

— Словами зарплату не выдают.

— Именно поэтому никаких речей не будет.

Он снова кивнул, на этот раз уже без прежней настороженности.

Мы вышли во двор.

Небо окончательно потемнело. В окнах конторы еще горел свет, а над воротами появился тот же белый камень, ко-

торый я видела внутри.

Шесть работников, которых я заметила при приезде, уже ушли.

Остались только двое возле печи и человек, закрывавший склад.

— Кто ночует на территории? — спросила я.

— Сторож, — ответил Келан. — И печная смена меняется через четыре часа.

— Склад запирается?

— Да.

— У кого ключи?

— У меня, у сторожа и раньше были у Ретара.

Я остановилась.

— Раньше?

— Связку оставили сегодня утром в конторе.

— Кто принес?

— Посыльный.

— От Ретара?

— Сказал, что от него.

— Мирта видела?

— Наверное.

Еще одна деталь, которую стоило проверить.

Если Ретар действительно уволился и вернул ключи, это нормально.

Если он заранее подготовил исчезновение, еще интереснее.

— Завтра первым делом поменяем замки на складе и конторе.

Келан удивленно посмотрел на меня.

— Это стоит денег.

— Дешевле, чем еще одна пропавшая книга учета.

— С этим спорить трудно.

— Можно переставить внутренние механизмы, не покупая новые?

— Наш кузнец сможет, если попросить.

— Он в числе четырнадцати?

— Да.

— Тогда сделаем сами.

Варден проводил взглядом закрывающего ворота рабочего.

— Ты собираешься держать здесь документы?

— Пока да.

— После того, что обнаружила?

— А куда их везти?

— Домой.

— Если кто-то уже полгода получает подписи Найлы Терран на сомнительных счетах, ее дом мне кажется не самым безопасным архивом.

Он посмотрел на меня с раздражением.

— Ты говоришь о себе в третьем лице.

Опять.

— Говорю о подписи на документах.

— Конечно.

Я не дала разговору продолжиться.

— Келан, где хранится документация по заказу вокзала?

— Часть в конторе, часть в старом архиве.

— Сегодня ничего не трогайте. Только принесите три осколка и контрольный образец Мирте. Пусть запишет, откуда каждый взят, и уберет отдельно.

— Зачем записывать, если мы и так знаем?

— Чтобы через неделю никто не сказал, что эти куски появились неизвестно откуда.

Мастер посмотрел на меня уже совсем иначе.

Не как утром.

Тогда он видел хозяйку, которой шесть недель не удавалось заплатить людям.

Сейчас, возможно, впервые рассматривал вопрос, может ли от меня быть какая-то польза.

Мне самой хотелось знать ответ.

В конторе Мирта сидела на прежнем месте.

Увидев нас, она сразу потянулась к ключу от шкафа.

— Я ничего не отдавала.

— Хорошо.

— Приходил господин Фарен из кредитной конторы. Прислал копию ведомости.

— Получил?

— Нет.

— Что сказал?

— Что вернется завтра.

Я посмотрела на Вардена.

— Знаешь такого?

— Да. Один из людей Сольвенского банка.

— Наш кредитор?

— Один из трех.

Еще один посетитель сразу после моего отказа добровольно отдать предприятие.

Вполне естественно.

И все же теперь любое движение вокруг документов казалось важным.

Келан положил на стол завернутые фрагменты.

Я объяснила Мирте, как их отметить.

Она слушала внимательно и записала происхождение каждого по словам мастера, отдельно указав, что только первый фрагмент Келан лично подобрал на месте аварии.

Это было правильно.

Нельзя превращать два сомнительных куска в надежные доказательства только потому, что они подходили моей версии.

Пока Мирта писала, я снова открыла заключение.

— У вас есть переписка с Кернским домом после аварии?

— Да.

— Вся?

— Думаю, да.

— Достаньте только последнее письмо.

Она нашла его быстрее, чем список поставщиков.

Письмо было коротким.

Кернский транспортный дом уведомлял мануфактуру Терран о прекращении всех действующих договоров, возврате неиспользованного стекла и взыскании убытков после заключения комиссии.

Внизу стояла подпись.

Эрваст Керн.

Почерк четкий, без украшений.

Я прочитала еще раз.

— Неиспользованное стекло вернули?

— Да, — ответила Мирта.

— То самое, которое не установили?

— Насколько я знаю.

— Где оно?

Она посмотрела на Келана.

Он нахмурился.

— Его продали.

— Кому?

— Не помню.

— Давно?

— Месяца четыре назад.

Я почувствовала разочарование.

Целые панели из той же партии были бы куда полезнее контрольных обрезков.

— В книгах будет покупатель?

— Должен быть, — сказала Мирта.

— Завтра найдем.

Я уже собиралась вернуть письмо, когда заметила еще одну строчку.

«Возвращенные двадцать четыре панели признаны пригодными для вторичного использования вне объектов транспортной инфраструктуры».

Я перечитала.

— Келан.

— Что?

— Они вернули двадцать четыре целых листа.

— Значит, двадцать четыре.

— И признали их пригодными.

— Для обычных работ.

— Но комиссия обнаружила внутренние напряжения в партии, достаточные для разрушения на вокзале.

— Не во всех листах обязательно одинаковые.

— Да. Но если двадцать четыре панели посчитали пригодными даже после аварии, насколько однозначным было заключение о качестве всей партии?

Келан медленно протянул руку.

Я дала ему письмо.

Он прочитал.

— Раньше не обращал внимания.

— Потому что тогда главный вопрос был в том, кто заплатит за разбитое.

— Наверное.

— А сейчас главный вопрос другой.

Варден подошел к нам.

— Какой?

— Почему из десятков панелей одной партии три разрушились на одной стороне здания, причем трещины во всех случаях начались практически в одинаковом месте, а два десятка неиспользованных листов сам заказчик признал пригодными.

— Ты опять пытаешься сделать вывод раньше доказательств.

— Нет. Я составляю вопрос.

Он взял письмо у Келана.

— И что тебе даст ответ?

— Возможно, ничего. А возможно, репутацию мануфактуры уничтожили из-за трех поврежденных листов, хотя само стекло было достаточно хорошим.

Мирта тихо сказала:

— Если это так, почему госпожа Терран согласилась?

Все посмотрели на меня.

Вопрос попал точно туда, куда я пока не могла заглянуть.

Почему прежняя Найла подписала итоговый акт?

Испугалась суда?

Поверила Ретару?

Не разбиралась в производстве?

Получила давление от кредиторов?

Или знала что-то, чего пока не знала я?

— Это тоже выясним, — сказала я.

Варден покачал головой.

— Удобно не помнить собственные решения.

В этот раз его слова задели сильнее.

Не потому, что он был несправедлив.

Наоборот.

Для всех окружающих Найла Терран сидела перед ними целая, взрослая, со своим лицом, подписью и именем. Только я знала, что не могу ответить ни за одно ее прежнее решение.

— Да, удобно, — ответила я. — Особенно когда из-за этих решений через девять дней заберут предприятие.

Он хотел что-то сказать, но передумал.

Я закрыла папку.

Рабочий день давно закончился. Мирта устала. Келан весь день находился в цехе, а потом еще почти два часа отвечал на мои вопросы. Даже Варден, который мог просто уйти, почему-то оставался.

Продолжать сейчас означало получать все больше ошибок вместо ответов.

— На сегодня хватит.

Мирта явно не ожидала услышать это от меня.

— Что делать с книгами?

— Самые важные уберите в шкаф. Те, где закупки, платежи и выпуск. Остальные тоже закройте, но отдельно.

— Почему отдельно?

— Если кто-нибудь полезет, хочу сразу понять, что его интересовало.

Она кивнула.

— А старые счета?

— Завтра начнем с них.

Келан спросил:

— Во сколько собирать людей?

Я посмотрела на часы.

— Во сколько обычно начинается смена?

— В шесть.

Мне не понравился ответ исключительно из личных соображений. Судя по всему, новая жизнь не собиралась давать мне хотя бы нормальный сон.

— Значит, в шесть.

Варден рассмеялся.

— Ты?

— Что я?

— В шесть утра?

— Есть возражения?

— Ни одного. Я просто хочу это увидеть.

— Приходи.

Он перестал улыбаться.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Келан уже направился к двери, но остановился.

— Госпожа Терран.

— Да?

Он указал на три завернутых фрагмента.

— Если вы правы насчет надразов, что будете делать?

— Сначала докажу, что я права.

— А потом?

Я посмотрела на письмо Эрваста Керна.

— Потом найду человека, который больше всех потерял из-за этой аварии, и заставлю его посмотреть на стекло еще раз.

— Керн вас даже не примет.

— Примет.

— Почему вы так уверены?

— Потому что у него сегодня лежат восемьдесят четыре листа моего стекла, которые он собирается вернуть окончательно. А значит, договор с мануфактурой еще не закрыт до конца.

Келан задумался.

— Формально нет. Мы должны забрать возврат или заменить товар.

— Вот и повод.

— Заменить нечем.

— Пока.

Я не собиралась делать вид, что за вечер научилась управлять чужой мануфактурой. У нас оставалась одна рабочая печь, почти не было заказов, топлива хватало меньше чем

на неделю, людям задолжали за шесть недель, вторая печь требовала ремонта, а единственная крупная партия, которую можно было бы продать, вернулась из-за настоящего дефекта.

Но среди всего этого появился факт, который не зависел от моей веры в собственные силы.

Три старых фрагмента были повреждены одинаково.

Это можно было проверить.

А все, что можно проверить, уже лучше слухов.

Мирта заперла шкаф.

Я попросила оставить письмо Кернского дома на столе и еще раз перечитала дату.

Пять месяцев назад.

Через два дня после заключения комиссии.

Быстро.

Слишком быстро для компании, которая потеряла деньги и должна была спорить с поставщиком о компенсации.

— Мирта, когда Кернский дом потребовал возмещение?

— Почти сразу.

— Мы заплатили?

Она замялась.

— Частично.

— Сколько?

Она назвала сумму.

Я медленно положила письмо.

— Из каких денег?

— Господин Мейл оформил краткосрочный заем.

Варден резко повернулся.

— Какой заем?

Мирта побледнела.

— Вы не знали?

— Нет.

— Он был оформлен на мануфактуру.

Я уже тянулась к стулу.

— Документы здесь?

— Должны быть в кредитной папке.

— Кто подписал?

Мирта даже не ответила.

Не требовалось.

Я прекрасно знала имя.

Найла Терран.

— Найди.

Варден раздраженно бросил:

— Ты только что сказала, что на сегодня хватит.

— Я передумала.

Мирта достала другую папку.

Документ оказался на месте.

Сумма займа составляла восемь тысяч корон.

Выдали ее через три дня после аварии.

Пять тысяч сразу перечислили Кернскому транспортному дому в качестве частичной компенсации.

Оставшиеся три тысячи ушли нескольким поставщикам.

Срок погашения уже истекал.

— Этот долг входит в те двадцать восемь тысяч? — спросила я.

— Да, — сказала Мирта.

Значит, авария не просто уничтожила репутацию.

Она напрямую увеличила долг почти на треть.

Кто бы ни повредил стекло, если повреждение действительно было намеренным, он ударил не только по имени Терран.

Он запустил финансовую цепочку, которая через пять месяцев привела меня к столу Палаты взысканий.

— Кто дал заем?

Мирта назвала Сольвенский банк.

Тот самый, чей человек сегодня уже приходил за копией ведомости.

Я посмотрела на Вардена.

Он тоже понял совпадение.

— Не начинай, — сказал он.

— Я ничего не сказала.

— У тебя очень выразительное молчание.

— Тогда ответь. Кто предложил этот банк?

— Не знаю.

Мирта тихо произнесла:

— Господин Мейл.

Разумеется.

Я закрыла договор.

Слишком много дорог вело к одному человеку.

Это могло означать, что Ретар действительно обкрадывал предприятие.

А могло означать, что мы просто смотрим на документы, которые управляющий по должности обязан был подписывать, приносить и оформлять.

Нужны были доказательства.

Не красивое объяснение.

— Все. Теперь точно заканчиваем.

На этот раз никто не спорил.

Мы вышли из конторы последними. Мирта заперла дверь, потом проверила ее еще раз. Келан направился к производственному корпусу предупредить ночную смену о завтрашней инвентаризации.

Я осталась с Варденом у ворот.

— Карета еще здесь? — спросила я.

— Моя — да.

— Хорошо.

— Ты даже не знаешь, где живешь.

Я повернулась к нему.

Опять слишком точно.

— Знаю.

— Правда?

Пришлось рискнуть.

— Проверяешь?

— Уже не знаю.

Он открыл дверцу кареты.

Я села первой.

Дорога обратно проходила почти в полной темноте, но город не казался темным. Белые магические огни горели над перекрестками, в окнах домов, на фасадах мастерских. Где-то высоко над крышами прошла крылатая тень.

На этот раз я не прилипла к окну.

Дракон подождет.

У меня были более срочные чудеса.

Например, бухгалтерия, в которой цена одной меры каким-то образом превращалась из семнадцати корон в двадцать две.

И стекло, которое якобы само решило три раза подряд треснуть от одного и того же места.

Варден сидел напротив.

Несколько минут мы ехали молча, пока он наконец не спросил:

— Если завтра выяснится, что никаких больших хищений нет, что будешь делать?

— Искать способ заработать.

— За восемь дней?

— К тому времени останется восемь.

— Именно.

Я посмотрела через окно на город.

— Четыреста пятьдесят корон можно получить за второй сорт.

— Если его купят.

— Есть одна рабочая печь.

— Без заказа.

— Есть четырнадцать работников.

— Которым ты должна деньги.

— Есть несколько десятков контрольных образцов и сомнительное заключение по аварии.

— На расследовании денег не заработаешь.

— Зато можно вернуть доверие.

— За неделю?

— Нет.

— Тогда что именно ты собираешься сделать?

Вопрос был справедливым.

Я не стала придумывать красивый ответ.

— Завтра узнаю, что у меня действительно есть. После этого решу, что можно продать, что можно произвести и сколько времени осталось до остановки печи. Потом буду искать покупателя.

— Очень скромно.

— Зато выполнимо.

— От тебя впервые слышу.

Я повернулась к нему.

— Какая была прежняя Найла?

Варден насторожился.

— Что?

— Ты весь день сравниваешь меня со вчерашней. Расска-

жи хотя бы, с кем сравниваешь.

— Решила продолжать спектакль?

— Решила понять, почему человек с действующей мануфактурой, работниками и крупным контрактом за пять месяцев оказался с тремястами коронами на счету.

Он долго молчал.

— Ты никогда не любила производство.

— Мануфактура досталась по наследству?

— От отца.

— Давно?

— Три года назад.

— Ретар работал еще при нем?

— Да.

Вот это было важно.

— Сколько?

— Лет десять, наверное.

— Отец ему доверял?

— Полностью.

— А Найла?

— Еще больше. Поэтому и не проверяла ничего сама.

Картина становилась яснее.

Не глупая хозяйка.

Хозяйка, которая унаследовала дело, в котором не разбиралась, вместе с опытным управляющим, служившим семье много лет.

Таким людям доверяют особенно легко.

— После смерти отца Ретар получил больше полномочий?

— Конечно.

— Подписывать договоры мог?

— Готовить мог. Подписывала ты.

— Счета?

— То же самое.

— А после аварии?

Варден посмотрел в окно.

— Ты почти перестала приезжать на производство.

— Почему?

— Все почему-то решили, что виновата именно ты. Хотя стекло варила не собственными руками.

— Но фамилия на воротах моя.

— Именно.

Это я понимала слишком хорошо.

— Ты предлагал продать мануфактуру до аварии?

— Нет. После.

— Значит, твоя фраза днем...

— Я сказал, что полгода назад тебе предлагали продать.
Не я.

— Кто?

Он помедлил.

— Олмар Вестен.

Имя было новым.

— Кто это?

— Глава Королевской палаты строительных подрядов.

— Он хотел купить мануфактуру?

— Не лично. Через компанию.

— Когда?

— Примерно за месяц до вокзала.

Я запомнила.

Пока это ничего не означало.

Предприятия покупают и продают постоянно.

Особенно старые мануфактуры с хорошей землей, печами

и названием.

— И Найла отказалась.

— Очень громко.

— Почему?

— Цена показалась низкой.

— Она была низкой?

Варден подумал.

— Тогда мне тоже казалось, что да.

— А сейчас?

— Сейчас за такую сумму ты отдала бы ее с бантом.

Мне не понравилось, насколько удачно все складывалось для покупателя, получившего отказ.

Но превращать Олмара Вестена в злодея только потому, что он когда-то предложил купить предприятие, было слишком рано.

Карета замедлилась.

Варден выглянул наружу.

— Приехали.

Я тоже посмотрела.

За металлической оградой стоял трехэтажный дом. Не дворец, но достаточно большой, чтобы окончательно подтвердить: прежняя Найла не была бедной женщиной до краха предприятия.

У входа зажглись два белых огня.

Я уже собиралась выйти, когда Варден сказал:

— Один совет.

— Слушаю.

— Если собираешься завтра идти к Керну с этими осколками, не обвиняй его людей.

— Я не собираюсь никого обвинять.

— Хорошо.

— Почему ты решил предупредить?

— Потому что Эрваст Керн не терпит, когда ему объясняют, что он ошибся.

— Очень редкая особенность.

— Ты смеешься, потому что еще с ним не встречалась.

— Значит, встречусь подготовленной.

Я взялась за ручку дверцы.

— Найла.

Пришлось снова посмотреть на него.

— Что?

— Если эти панели действительно испортили после того, как они вышли с завода, человек, который это сделал, добился почти всего, чего хотел.

— Не всего.

— Мануфактура через девять дней уйдет кредиторам.

— Через восемь с половиной.

— Это должно меня успокоить?

— Нет.

Я открыла дверцу.

— Просто люблю точные цифры.

На ступенях дома меня встретила незнакомая женщина, назвавшая меня госпожой и сообщившая, что ужин давно готов. Я попросила показать комнату, где можно работать с бумагами, чем снова вызвала странный взгляд.

За несколько минут выяснилось, что у Найлы имелся собственный кабинет.

Это было неожиданно полезно.

Я отпустила женщину и закрыла дверь.

На столе лежали письма.

Я не собиралась читать их сегодня.

Во всяком случае, так решила сначала.

Потом заметила знакомое название на верхнем конверте.
«Кернский транспортный дом».

Письмо было датировано вчерашним днем.

То есть пришло еще до моего появления.

Я открыла конверт.

Внутри находился официальный запрос.

Кернский дом требовал в течение трех дней забрать возвращенную партию стекла и окончательно закрыть остаток

договора. В противном случае товар должны были отправить на утилизацию, а расходы добавить к долгу мануфактуры.

Ниже находилась приписка, сделанная другим почерком: «Повторная поставка продукции Терран рассматриваться не будет».

И подпись.

Эрваст Керн.

Я перечитала письмо дважды.

Прекрасно.

Человек, которому я собиралась доказывать, что пять месяцев назад его компания могла обвинить не того поставщика, уже заранее сообщил, что больше моего стекла не хочет.

Значит, сначала придется сделать так, чтобы ему стало выгоднее выслушать меня, чем выставить за дверь.

Я положила письмо рядом с окном.

На этом действительно стоило закончить день.

Но взгляд зацепился за маленький лист, выпавший из конверта.

Не письмо.

Копия старой схемы западной галереи вокзала.

Вероятно, ее приложили, чтобы указать размер стекла при возврате.

Я развернула бумагу полностью.

Три разрушившиеся панели были отмечены крестами.

Все находились не просто на западной стороне.

Они стояли одна за другой.

Между первой и третьей находилась всего одна целая секция.

Я вспомнила схему из заключения комиссии.

Нижний левый край.

Три раза.

Одна линия галереи.

Я быстро нашла карандаш и отметила положение каждого повреждения.

Если причиной был только плохой отжиг, стеклу было все равно, в каком порядке его установили.

Если причиной было крепление, следовало проверить одинаковый узел каждой рамы.

А если кто-то хотел, чтобы несколько панелей разрушились уже после открытия вокзала, ему вовсе не требовалось портить десятки листов.

Достаточно было трех.

Я положила рядом письмо Эрваста Керна и свою схему.

До сегодняшнего дня у мануфактуры Терран была официальная причина краха: плохое стекло.

Теперь у меня появилась другая версия.

И завтра я собиралась выяснить, кто имел возможность превратить три исправных панели в приговор целому предприятию.

Глава 3. Дракон, который хочет мою печь

В половине шестого утра ворота мануфактуры уже были открыты, а Келан стоял возле склада с таким видом, будто не сомневался: я либо не приеду вовсе, либо появлюсь ближе к полудню и найду убедительное объяснение.

Увидев меня, он посмотрел на часы над конторой.

— Доброе утро, госпожа Терран.

— И вам. Все пришли?

— Тринадцать человек.

— Вчера было четырнадцать.

— Ночная смена считается в этих тринадцати. Тевер задерживается.

Тот самый мастер, который вместе с Келаном проверял панели перед отправкой на вокзал.

— Обычно задерживается?

— Никогда.

Это мне не понравилось, но делать из пятнадцати минут опоздания улику было бы преждевременно.

Во дворе уже стояли люди, которых вчера я почти не успела рассмотреть. Кто-то пришел в рабочих фартуках, кто-то переодевался возле цеха, двое явно только закончили ночную смену. Разговоры прекратились, когда я подошла ближе.

Никаких приветственных улыбок.

Никакого внезапного доверия.

И это было нормально.

Шесть недель без зарплаты не исправляются одной удачной беседой с хозяйкой.

— Келан сказал, что сегодня будет пересчет, — произнес высокий мужчина с короткими седыми волосами. — Печь тоже останавливаем?

— Нет. Первая работает как обычно.

Несколько человек переглянулись.

— Остальное считаем по участкам, чтобы не устраивать толпу на одном складе. Мне нужны реальные остатки, а не красивые цифры. Если что-то испорчено, так и записываем. Если материал есть, но его нельзя использовать, тоже считаем отдельно.

— А зачем? — спросил совсем молодой парень возле стены.

— Чтобы к обеду понимать, что мы можем произвести без новых закупок и что можем продать уже сейчас.

Келан посмотрел на меня.

— Все?

— Все.

Я специально не сказала им, что подозреваю воровство.

Если среди работников кто-то был связан с Ретаром, предупредить его заранее не стоило. Если никто не был связан, я только устроила бы охоту на виноватого внутри коллекти-

ва.

— Мирта уже приехала? — спросила я.

— В конторе.

— Кузнец?

Седой мужчина поднял руку.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.